

Проблема телесности в феноменологии Э. Гуссерля

Как известно, после опубликования «Идей чистой феноменологии» Э. Гуссерль подвергся критике с разных сторон, в том числе и со стороны своих соратников по феноменологическому движению. Его упрекали в том, что в его учении о трансцендентальном субъекте не разработана чисто субъектная сторона последнего. Так утверждалось, что в «Идеях чистой феноменологии» много говорится об интенциональных объектах, но почти ничего не сказано о самом субъекте, которому они даны. Он выглядит слишком абстрактным, безличным, лишенный каких бы то ни было особенностей; он представляется ни более чем точкой, из которой исходят интенциональные акты.

В данной статье была предпринята попытка обнаружить в феноменологии Гуссерля какие-то указания на природу субъекта, рассмотрев идеи философа, касающиеся философской проблематики человеческой телесности как таковой.

Гуссерль в своем труде «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» пишет, что собственно наше тело обнаруживает себя при всяком нашем опыте пространственно-вещных объектов в качестве органа восприятия осуществляющем этот опыт. Далее он пытается проследить конституирование этой телесности. Для этого он предлагает рассмотреть для наглядности такой случай, когда пространственно постигаемым материально-физическим телом, которое воспринимается посредством тела, является само тело-вещь. Так, к примеру, пишет Гуссерль, ощупывая свою левую руку, мы получаем тактильные ощущения, то есть, воспринимаем мягкую, гладкую, имеющую ту или иную форму свою руку. Эти тактильные ощущения, которые затем объективируются нами как признаки вещи «левая рука», принадлежат нашей правой руке. Но, ощупывая свою левую руку, мы находим также в ней и другие тактильные ощущения, которые хотя и локализируются в ней, но при этом не являются конституирующими свойствами (такие как шероховатость и гладкость руки как физической вещи). Когда же мы говорим о своей «левой руке» как о физической вещи, то от этих других ощущений абстрагируемся. Если же мы присовокупим эти наши ощущения к физической вещи «левая рука», то тем самым произойдет обогащение физической вещи – она станет телом, и будет ощущать. Так ощущения «касания» имеют место в любой точке пространства руки, если ее коснуться в этом месте. В то же время, вторая рука, рука касающаяся, с одной стороны играющая роль вещи, с другой стороны, будет обладать ощущениями касания в том месте, где она касается.

То есть, каждая часть тела является по отношению к другой внешней вещью, которая трогает, касается, и в то же время каждая из этих вещей является телом. При этом все вызванные ощущения имеют свою локализацию, то есть отличаются по месту появления телесности и феноменально принадлежат ей. Как пишет Гуссерль: «Тело конституируется, таким образом, изначально двояким способом: с одной стороны она есть физическая вещь, материя, она имеет свою протяженность (Extension), куда входят его реальные свойства – цвет, гладкость, жесткость, теплота и все то, что также можно отнести к материальным свойствам; с другой стороны, я обнаруживаю на нем, я ощущаю «на» нем и «в» нем: тепло на тыльной стороне рук, холод в ногах, ощущение касания на кончиках пальцев. Я ощущаю распространенные за пределы телесной поверхности гнет и движение одежд; шевеля пальцами, я получаю ощущения движения, которые, распространяясь, лишь пробегают по самой поверхности пальцев, однако в этом комплексе ощущений имеется такое состояние, которое локализуется во внутреннем пространстве пальца. Рука лежит на столе. Я воспринимаю стол как твердый, холодный, гладкий. Передвигая руку по столу, я исследую стол и его вещественные характеристики. Вместе с тем я могу в любой момент обратить свое внимание на руку и застать в ней тактильные ощущения, ощущения гладкости, холода и так далее, внутри же руки – протекающие параллельно ее исследующему движению – ощущения движения и так далее. Поднимая вещь, я ощущаю ее тяжесть, но у меня есть также ощущение тяжести, которые имеют свою локализацию в теле. Таким образом, мое тело,

вступая в физическую взаимосвязь (удар, толчек, нажим и так далее) с другими материальными телами, доставляет не только опыт физических процессов, связанных с телом и вещами, но также [опыт] специфических телесных процессов, которые мы называем чувствами (*Empfindnissen*). Этим процессам не достает «чисто» материальным вещам» [*Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии... М., 1999. С. 53*].

Но, отмечает далее Гуссерль, мы не имеем ничего подобного в случае объекта конституирующего себя чисто визуально. И далее, он делает акцент на описании различия между визуальной и тактильной областями нашего восприятия: «В тактильной области мы имеем тактильно конституирующийся внешний объект и второй объект – тело, также тактильно себя конституирующее, скажем, шупающий палец и вместе с тем палец, который касается пальца. Здесь, таким образом, налицо то самое двойное схватывание (*Doppelauffassung*): одно и то же тактильно ощущение, воспринятое в качестве признака «внешнего» объекта и воспринятое в качестве ощущения тела-объекта (*Leib-Object*). В случае же когда некоторая часть тела становится внешним объектом для других его частей, мы имеем двойные ощущения (каждая часть имеет свои ощущения) и двойное схватывание, служащие признаками одной или другой части тела как физического объекта» [Там же. С. 54]

В случае же объекта конституирующего себя чисто визуально, мы согласно Гуссерлю, ничего подобного не имеем. Дело тут в том, что глаз, как он пишет: «визуально не являет себя, и не бывает так, чтоб на визуально являющем себя глазе появлялись локализованные в качестве ощущений те же самые цвета (причем визуально локализованные в соответствии с их различными визуально являющимися частями), которые при схватывании видимой внешней вещи были применены к объекту, при-объективированы (*zu-objectiviert*) к нему в качестве признаков. Подобно этому, мы не обладаем и такого рода далеко идущим свойством зрения, чтобы глаз последовательно мог проходить вдоль глаза и при этом возникал бы феномен двойного схватывания; мы не можем также видимую вещь видеть как постоянно трогающую видящий глаз, прикасающуюся к нему, в отличии от того, что мы можем проделать с действительно осязающим органом» [Там же].

То есть речь здесь идет о том, что глаз не может быть видящим видящее, у него отсутствует зона локализации телесного ощущения: он просто видит, но видит так, что видимое не локализуется в том, что видит в самом глазе. И сам глаз оказывается отнесенным к телу косвенно, при помощи локализованных ощущений. Таким же образом, пишет Гуссерль, дело обстоит и с нашим слухом: «Ухо «при этом» имеется, но ощущаемый тон не локализован в ухе».

Так Гуссерль формулирует суть специфики именно чувственного, тактильного опыта как основы для конституирования нами собственного тела. Так наш визуальный опыт говорит нам о таком качестве присущем всем материальным вещам, как протяженность. Чувства же осязания и ощущения, по Гуссерлю не являются распространенными по поверхности. Так, к примеру, чувство осязания не есть состояние такой материальной вещи как рука. Но именно через это чувство прикосновения мы обнаруживаем эту руку как свое тело. Именно с локализацией ощущений осязания связано различие между визуальным и тактильным восприятиями.

Всякая видимая нами вещь, по Гуссерлю, является осязаемой и как таковая указывает на некоторое непосредственное отношение к нашему телу, но не в силу своей видимости. Более того, «субъект, имеющий лишь зрение, не мог бы обладать явленным телом» [Там же. С. 55].

Тело же конституируется нами как таковое, лишь через тактильность, через то, что локализуется в ощущениях осязания, например, тепло, холод, боль и так далее. Также важную роль играют ощущения движения, которые тоже имеют свою четкую локализацию.

Итак, подводит итог своим размышлениям о теле Гуссерль: «тело рассматривается нами как всякая другая вещь, однако телом оно становится лишь благодаря вкладыванию ощущений в осязание, благодаря полеганию ощущений боли и так далее, короче благодаря

локализации ощущений как ощущений. Затем в локализации участвует также визуальное тело, поскольку оно совпадает с тактильным, как совпадают также визуально и тактильно конструируемые вещи (а именно, фантомы). Так произрастает идея некоей ощущающей вещи, которая «имеет» определенные ощущения (осознания, нажима, тепла, холода, ощущения боли и так далее), вернее, может их иметь при определенных обстоятельствах, при этом иметь в качестве первично и собственно в ней локализованных; впоследствии это является предварительным условием существования всех ощущений (и явлений) вообще, в том числе визуальных и акустических, которые, однако, не имеют в вещи первичной локализации» [Там же. С. 56].

Таким образом, опыт телесности у Гуссерля дается нам всегда лишь через процедуру двойного схватывания, где наше тело воспринимается нами как тело-объект и тело-субъект в то же самое время. Тело является, исходя из этого, для нас не чем-то данным, но конституирующимся всякий раз через локализованные тактильное ощущение.

Наше тело-субъект являет себя нам через границу с вещами, через ощущение этих вещей-объектов. То есть, по сути, переживание мной этой границы между телом-объектом и прочими вещами-объектами. Тело-объект же, в свою очередь, как и всяких другой объект, конституируется нами через совпадение нашего визуального образа вещи (восприятие протяженности) с нашим ее тактильным опытом.

В «Картезианских размышлениях» философ выходит на тему тела через прояснение феномена «других» и понятия интерсубъективности. Он рассуждает здесь следующим образом: «Как пребывающий в трансцендентальной установке, я в первую очередь пытаюсь установить границы *моего собственного*» внутри горизонта моего трансцендентального опыта. Прежде всего, я говорю, что это нечто «не-другое» по отношению ко мне» [Гуссерль Э. Избранные произведения. М., 1999. С. 441].

То есть мы начинаем с того, что посредством абстрагирования освобождаем наш горизонт опыта от всего «другого» вообще. Философ здесь пишет, что, так как особенностью трансцендентального феномена *мира* является его непосредственная данность в согласованном опыте, то потому, рассматривая этот мир, следует обратить внимание на то, как «другое» участвует в определении смысла, и путем абстракции исключить его в той мере, в какой оно задействовано в этом определении. Таким образом, мы, следуя за Гуссерлем, мы начинаем абстрагироваться:

«От того, что придает людям и зверям их специфический смысл в качестве, так сказать, эгоподобных живых существ и, в дальнейшем, от всех определений феноменального мира, которые в своем смысле отсылают нас к «другим» как к субъектам Я и, следовательно, предполагают наличие последних. Таковы, например, все культурные предикаты» [Там же].

«От всего *«духовно-духовного»* по отношению к нам, что позволяет рассматриваемому здесь «другому» обрести свой специфический смысл» [Там же].

«Исключить путем абстрагирования свойственный всем объектам феноменального мира и определяющий их как «другие» характер *явной для каждого принадлежности к окружающему миру*, их наличие и доступность для каждого, их способность заинтересовать или оставить равнодушным каждого в его жизненных стремлениях» [Там же].

После того как мы осуществили такую абстракцию, нам, как утверждает Гуссерль: «*Постоянно дан в своем связанном единстве один слой феномена мира*, как трансцендентального коррелята непрерывно текущего согласованного опыта мира» [Там же].

Что же значит для нас этот результат? Что же именно остается для нас после такой абстракции? Философ пишет об этом как о некоем нижнем слое в феномене мира, который он называет *«природа в моей собственной сфере»*. И на этом то уровне абстракции, на котором исчезает даже сам смысл «объективного», и который, по мысли Гуссерля, лежит ниже даже слоя интерсубъективного, мы находим в основе свою собственную природу – «просто природу», которая оказывается нашим собственным телом. И как Гуссерль пишет далее: «*Именно мое живое тело*, единственный объект в пределах абстрагированного мирового слоя, которому я, сообразуясь с опытом, приписываю поля ощущения... Благодаря

осязательному кинестезису я получаю и могу в любой момент получить восприятие с помощью рук, благодаря зрительному – с помощью глаз и так далее, причем всякий такой органический кинестезис протекает в модусе «Я делаю» и подчинен моему «Я могу» [Там же. С. 443].

Осуществляя наше восприятие, мы можем, по мысли Гуссерля, познавать все, что принадлежит природе, в том числе и нашу собственную телесность, которая оказывается при этом рефлексивно соотнесенной с самой собой. Однако, с одной стороны, тут наша телесность, будучи нашей природой, является при этом основой всякой интерсубъективности, обнаружения «Я» и «другого» - самой нашей принадлежностью к человеческому роду, но с другой стороны, в то же время, Гуссерль говорит о некоем духовном уровне человека, который, являясь условием субъективных чистых переживаний, оказывается не сводимым к нашей природе и нашей телесности. Как пишет он сам: «Выявление моего редуцированного к собственной сфере живого тела уже отчасти знаменует собой выявление *собственной сущности* объективного феномена «Я как этот человек». Если я редуцирую других людей к моей собственной сфере - я получаю заключенные в ее пределах тела, если я редуцирую себя как человека - я получаю свое живое *тело* и свою *душу*, или себя как психофизическое единство и в нем – свое личное Я, которое действует в этом живом теле, а также *при его посредстве* действует во *внешнем мире* или претерпевает его воздействие, и которое, таким образом, благодаря постоянному присутствию в опыте таких уникальных способов соотнесенности с Я и с его жизнью, вообще конституировано в психофизическом единстве с одушевленным телесным организмом. Если в моей собственной сфере произведено такое очищение внешнего мира, живого тела и психофизического целого, то я утрачиваю свой естественный смысл в качестве некоего Я, - поскольку исключено всякое смысловое соотношение с каким бы то ни было «Мы» или «Нам», - а также всякую соотнесенность с миром в естественном смысле слова. Но в своем духовном своеобразии я остаюсь тождественным Я как полюсом своих многообразных чистых переживаний, протекающих в моей пассивной и активной интенциональности, а также всех хабитуальностей, учрежденных или еще только подлежащих учреждению в этих переживаниях» [Там же. С. 460].